

ФИЛОСОФСКИЙ ДИАЛОГ ОБ ИМЕНАХ: ПЛАТОН, СУМАРОКОВ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Ю.В. Сложеникина¹, А.В. Растягаев²

¹Самарский государственный технический университет, г. Самара, Россия
goldword@mai.ru

²Московский городской педагогический университет (Самарский филиал), г. Самара, Россия
avr67@yandex.ru

Аннотация

В исследовании, которое представляет статья, предложен диахронический подход к интерпретации имен. «Сильной» позицией становится статья А.П. Сумарокова «О коренных словах русского языка», опубликованная в февральском номере журнала «Трудолюбивая пчела» (1759 г.). Выдвигается гипотеза, что рассуждения русского писателя XVIII в. инициированы диалогом древнегреческого философа Платона «Кратил». Обе работы – это попытка создания космогонического мифа: мир покоится на правильно созданных именах; имена учат; кто знает имена, тот знает и вещи. Статья Сумарокова содержит большое количество авторских этимологий, позволяющих дать некоторую научную оценку опыту этимологического анализа. Сумароков видит огромную роль писателя в сохранении языка и формировании языкового вкуса. С точки зрения современного терминоведения, предлагается взгляд на соотношение языка и мышления, роли мышления в образовании терминов. Авторы полагают, что, в конечном итоге, это позволит найти основы для формализации представления и дальнейшей трансляции знаний, необходимых в онтологическом моделировании, в том числе, и для онтологии проектирования.

Ключевые слова: Сумароков, Платон, «Трудолюбивая пчела», имя, термин, русский язык, мышление, этимология.

Введение

Журнал «Трудолюбивая пчела» издавался А.П. Сумароковым ежемесячно в течение 1759 года. В 1780 г., через три года после смерти писателя, было предпринято «второе тиснение». В XVIII веке журнал - это издание «долговременного активного пользования», которое было предназначено «для нескольких поколений читателей» [1, с. 84]. Долгую жизнь сумароковскому детищу обеспечило именно «второе тиснение» - точная копия «Трудолюбивой пчелы» 1759 г.: номер к номеру с единой пагинацией, но уже под одной обложкой. В таком виде журнал хранился в книжных шкафах и родовитых дворян конца XVIII века, и «дворянских гнезд» 40-60-х гг. XIX столетия, и оскудевших «мелкопоместных» начала «железного» XX века. Волею судеб фолиант в 767 страниц стал материальным воплощением родовой памяти, книгой, объединившей несколько поколений одного рода и ставшей частью русской культуры.

«Трудолюбивая пчела», по замыслу издателя и редактора, должна была стать принципиально новым для XVIII века типом издания. На страницах журнала предполагался диалог родового и индивидуального, сословного и национального. Из номера в номер создавалось специфическое метатекстовое единство, утверждавшее особую философию жизни, которая опиралась на «тысячелетние мифы и гностические традиции» [2, с. 206].

Страницы «Трудолюбивой пчелы» стали своего рода коммуникативной площадкой, позволившей вести беседу с предшественниками, современниками и потомками. Статья Сума-

рокова «О коренных словах русского языка» была опубликована в февральском номере журнала [3, с. 91-101]. С одной стороны, она представляет собой косвенный диалог с античными авторами, философствующими над проблемой происхождения имен, с другой – выходит за пределы теории именования и манифестирует авторскую позицию по поводу происхождения русского народа и его языка.

1 Диалог Платона «Кратил»

В платоновском диалоге «Кратил» возникает спор между Гермогеном и Кратилом. Гермоген придерживается мнения об условности всех наименований человеческого языка, их зависимости от обычая и закона; Кратил - об их естественности и полном соответствии природе вещей. Сократ, пытаясь разобраться в этом вопросе, предлагает третью – примирительную – точку зрения. Считается, что устами Сократа говорит его ученик Платон.

Кратил полагает естественное происхождение всех языков: и эллинского, и варварских - всеобщим. Гермоген как контрдовод приводит возможность переименования, отчего новое имя не перестаёт быть правильным. Сократ считает, что сами вещи имеют некую собственную устойчивую сущность независимо от людей и их воображения. Поэтому давать имена нужно в соответствии с природой вещей, а не так, как людям заблагорассудится. Законодатель имён, убеждает Сократ, должен уметь воплощать в звуках и слогах имя, назначенное от природы [4, с. 613, 614, 618]. При этом не каждому человеку дано право присваивать имена вещам – это особые люди, законодатели, творцы имен, как называет их Платон. Словотворчество – не дело людей неискusstных или случайных, поэтому этот вид мастерства редко встречается среди людей [4, с. 620-621].

Звуковой облик слова может различаться: не важно, говорит Сократ, если какая-то буква прибавится или отнимется, пока остаётся нетронутой сущность вещи. Главное, чтобы в результате словопроизводства не нарушалась идея вещи. Как рассуждает Сократ, от царя должен родиться царь, от доброго – доброе, от славного - славное [4, с. 625, 626].

Эмпирическая база диалога насыщена самыми разнообразными этимологиями. Например, слово *демон* мотивируется следующим образом: *демоны* были разумны, и всё было им ведомо, за что их и называли *ведемонами*. С течением времени облик слова несколько изменился, что, однако, не изменило его сути. Имя *человек*, по Сократу, означает, что только он, в отличие от животных, смотря на что-либо, «улавливает очами». Поэтому-то он как бы *очеловец* того, что видит¹. Причина затемнённости исходной мотивировки, по Сократу - глубочайшая древность первых имён. Ко времени рассуждения античного автора греческий язык пережил всевозможные изменения и ничем не отличался от варварских диалектов [4, с. 630-632].

Философ считает, что необходимо добраться до простейших слов, которые никакими другими не мотивированы, – тогда можно будет обнаружить простейшую частицу смысла. Исследователь языка должен обязательно открыть правильность первых имён, иначе он не сможет понять значения позднейших слов, так как они выражаются через первичные смыслы.

Различителями смыслов, по Сократу, являются звуки. В их артикуляции и слуховом восприятии заложена возможность подражания сути вещи. Сократ приводит примеры: законодатель видел сильнейшие сотрясения языка при произнесении звука «р», поэтому такие глаголы, как *ударять, крушить, рвать, рыть, дробить, вертеть* включают этот порывистый

¹ Версий происхождения слова «человек» достаточно много в литературе. Адаптированный и искусный перевод диалога Гермогена и Сократа в «Кратиле» Платона прекрасная иллюстрация языковых возможностей передачи смысла и содержания с опорой на «формы», знаки и образы. *Прим.ред.*

звук и очень выразительны. Буква йота (звук «j») передаёт всё тонкое и называет подобающие вещи. Буква ламбда (звук «л») даёт имена всему гладкому, скользящему, лоснящемуся, смолисту [4, с. 664-665].

Этимологии автора охватывают несколько семантических полей: названия богов, героев, человека; космоса; времён года; явлений природы; понятия прекрасного, доброго, разных качеств существующего, искусства, мудрости [4, с. 643-650].

Сократ спрашивает у Кратила, какое значение имеют для нас имена и какую функцию они выполняют? Ответ Кратила является квинтэссенцией всего философского трактата: имена учат, кто знает имена, тот знает и вещи. Постигание макрокосма, человека и микрокосма возможно только через слово – и это истина [4, с. 675].

Таким образом, диалог Платона «Кратил», рассмотренный с точки зрения космогонического мифа, даёт возможность сформулировать следующий вывод: словотворчество – это созидательная деятельность, подобная любому другому мастерству, а слово – это орудие познания мира и человека. Очевидно, что на творцах имен лежит особая ответственность, ибо неверно созданное слово, во-первых, разрушит гармонию, установленную Богами первичным актом именованья, а во-вторых, не позволит человеку заниматься наукой, литературой, постигать окружающий его мир, поскольку не установит правильной связи между вещью и именем.

2 Статья А.П. Сумарокова «О коренных словах русского языка»

XVIII век в России рассматривают как период реабилитации античных авторов. Отечественные просветители усваивали и творчески трансформировали древнегреческие теории языка и стиля. До Сумарокова на российской почве вопрос о происхождении имен публично не обсуждался. Он сетует: «Чем доле мы того не начинаем, тем больше переменою речений стези испытания происхождения нашего языка заглаживаются» [3, с. 92]. В самом тексте сумароковской статьи нет ни одного указания на диалог с античной традицией, однако идейное содержание, сходство примеров указывают на работу, ставшую импульсом сюжетного развёртывания для писателя XVIII века. Это диалог Платона «Кратил». Обращение автора к первым теориям объяснения мироустройства позволяет рассматривать статью Сумарокова «О коренных словах русского языка» как попытку создания космогонического мифа, трансформированного русской культурной ситуацией середины XVIII века и просветительской направленностью журнала.

Нельзя сказать, что сумароковская статья «О коренных словах русского языка» посвящена только проблеме происхождения имён. Но писатель не может обойти её стороной, поскольку рассуждения о корнях напрямую связаны с происхождением языка, его мотивированностью, близостью к истокам и другим языкам. Тезис Сумарокова: наличие коренных слов в русском языке указывает на древность его происхождения. Исконные слова оставляют языку «естественную красоту и великолепие» [3, с. 91]. Он указывает, что «...народы, составляющие себе язык, являют словами начертание естества, и с мыслию и чувствием сходство произношения» [3, с. 91]. Сумароков следует за Платоном: «Гордая вещь получает гордое имя. Нежная, нежное имя, и пр... Дождь, точный шум раздробленно лиющихся из воздуха вод. Журчание, потоки мелких струй» [3, с. 91-92].

Сумароков видит огромную роль писателя в сохранении языка, в формировании общественного вкуса и языковых предпочтений. Искусный писатель призван истреблять искры, могущие «погубить весь наш язык» [3, с. 96]. Беспольными к будущему употреблению потомками Сумароков считает чужестранные синонимы к тому, «чему у нас есть точные свои названия», производные слова с «непристойными» предлогами и окончаниями, изменёнными

ударениями, сложенные не по естественным словообразовательным моделям или наделённые несвойственной семантикой [3, с. 96].

Сумароков, в отличие от первых двух русских профессоров, Третьяковского и Ломоносова, не имел возможности академической практики и публикаций. Поэтому «Трудолюбивая пчела» стала своего рода манифестом, где им были заявлены программные положения в области русского языка: возвращение к первоисточкам, уважение к самобытности и древности языка, истребление заимствований, не обусловленных общественной пользой. Сумароков понимал необходимость обновления языка, однако предостерегал от смешения с иностранными словами, чуждого русскому языку словопроизводства.

Главенствующую роль в развитии и исправлении языка Сумароков отводил стихотворцам и риторам. Он приветствовал Французскую Академию, возможно, находя параллели с собственной журнально-просветительской деятельностью. Дело в том, что и Французская Академия (1625 г.), и «Трудолюбивая пчела» (1759 г.) были созданы как частные проекты. Однако во Франции в 1635 г. благодаря кардиналу Ришелье академическое собрание было принято под покровительство короля и получило денежные средства. Известно, что при правящей императрице Елизавете Петровне журнал «Трудолюбивая пчела» посвящался опальной Екатерине Алексеевне. В последних строках стихотворного посвящения Сумароков прямо пишет [3, с. 3]:

Возвысь сей низкий труд примерами ЕЯ,
И покровительством, Минерва, будь моя!

Французская Академия была создана для очищения и утверждения языка, разъяснения его трудностей, поддержания его характера и начал в неприкосновенности. Академия насчитывала сорок членов, выборы которых представлялись на утверждение короля. Избрание в Академию являлось пожизненным, поэтому академиком называли «бессмертными». Столь высокий статус академиком, конечно, выводил радение о чистоте родного языка на совершенно иной уровень, сакрализовывал труд ревнителей языка. Сумароков пишет: «... а притом по времени такое же как у французов учредится для исправления и распространения языка собрание, счастливы будут писатели потомков наших» [3, с. 97].

Большую часть статьи Сумароков, как и Платон, воодушевлённо предаётся этимологическим изысканиям. Писателю XVIII века можно предъявить тот же упрёк, что и античному автору: многочисленность языковых примеров, подобранных случайно и не образующих строгой системы доказательств. Не имея научных методов сопоставлений, Сумароков, как и Платон, пытается компенсировать отсутствие качественного этимологического анализа количеством языковых примеров, видимо, демонстрируя тем самым всеобщность своих теоретических предположений. В качестве извинения он указывает, что не имеет достаточного времени и хочет лишь подать или умножить охоту этимологов к последующим изысканиям [3, с. 92]. Тем не менее, сумароковские этимологии заслуживают внимания и научной интерпретации.

Сумароков предлагает к рассмотрению, в современной терминологии, словообразовательные гнёзда. Семантически первые примеры связаны с речью, словом, голосом. Иллюстрации начинаются гнездом с вершиной *Весть*. В него включаются производные *Ведомость*, *Вещать*. Увидев диерезу (выкидку звука для облегчения произношения) и оглушение на конце слова, филолог пишет: «Из Обвед, сделано Обет. Из Обвещание сделано Обещание» [3, с. 97].

Гнездо с вершиной *Ой* объединено Сумароковым, как кажется, под влиянием платоновской идеи о возможности произвольных звуко-буквенных замен, лишь бы только в слове сохранялась первоидея слова. Сумарокову представляется, что со стоном *-ой* связаны тягостные ощущения. Добавляемые к слову буквы образуют новые значения: звук «б», подобный

удару топора, образует слово *бой*; превращение «б» в «в» Сумароков видит в слове *война*. Ощущения, выраженные стоном *ой*, по Сумарокову, как мельчайшая частица смысла лежат в основе слов *боль, болезнь, вой* [3, с. 97-98].

Весьма сходна с платоновской идеей человека, который очами улавливает всё зримое, сумароковская этимология слова *око*. Эта сема² заложена в оценках того, что видит человек: *Выс-око, Глуб-око*.

Сумароков считает, что «русский язык произошел от скифского» [3, с. 92]. А скифский язык представляется писателю близко стоящим к началу известных языков. Он утверждает, что русский язык единоутробен с немецким, что видно «по сходству великого числа слов и корня их» [3, с. 93]. Общность происхождения, по Сумарокову, позволяет ему образовывать этимологические гнёзда из слов разных языков. Конечно, с точки зрения достижений современной этимологии, слова, объединённые Сумароковым в одно гнездо, восходят к разным индоевропейским корням. Однако думается, что для писателя язык являлся прежде всего носителем смысла, «первоначальных слов». Обилие примеров для сочинителя есть доказательство высоких словообразовательных возможностей русского языка. «На что нам чужие слова вводить, когда мы по естеству и по примеру предков наших, своих из первоначальных слов довольно произвести можем?» - вопрошает автор. Писательское языковое чутье позволяет Сумарокову сопоставлять слова семантически близкие, образуя величественные древа. Ветви этих деревьев, кажется ему, идут от общего корня: «Русский и немецкий языки происходят безо всякого сомнения от языка скифского» [3, с. 99-100].

Как и Платон, Сумароков наделяет смыслом не только слова, но и буквы. Например, он считает, что графема Н означает отрицание. Поэтому возможна мотивировка слова *ночь* производящим *очи*: «*Ночь и Ношь*, по сопряжении слова *Очи* с литерою Н: знаменует Нет Очей, в рассуждении Тьмы» [3, с. 99].

Сумароков пытается дать примеры из тех же семантических полей, что и Платон. Этимология слова *человек* представляется Сумарокову как словосложение *Чело и Век*. Слова *Дух* и *Душа* человека мотивированы глаголом *дуть*, изображающим естественное дыхание. К этому же этимологическому гнезду исследователь относит лексемы *Воздух, Отдохновение*. Используя межъязыковые совпадения, он объясняет название северного ветра *Борей*. Исходное слово *Бур* было мотивировано, по Сумарокову, суровостью его произношения. Этот признак лёг и в основу названия конской шерсти. От слова *Бур* происходит скифское название снега *Бурун*, и применительно к другой непогоде – *Буря*. Эти слова мотивируют наименование сурового, быстрого и холодного полночного ветра *Борей*, совместившего все три первоначальных ощущения. А для жителей благоразговоренной Греции, пишет Сумароков, холодный ветер, дувший от неких народов, стал мотивацией их этнического обозначения [3, с. 100]. Очевидно, речь идёт о Гиперборее – в древнегреческой и наследующих мифологиях, это легендарная северная страна, место обитания блаженного народа гипербореев.

3 Язык как порядок и гармония

Не считая себя специалистом в вопросах этимологии, оставляя пространство этимологических разысканий другим учёным, в февральской статье Сумароков выступает толкователем некоторого числа корневых лексем русского языка. Предпринятое рассуждение, как кажется, вполне возможно признать экзегетикой (от греч. *ἔγχεσις* - толкование, объяснение). Если предшествующая экзегетика Средневековья и Нового времени являлась разделом богословия и занималась истолкованием смысла Священного Писания, то комментарии Сумаро-

² *Сема* — минимальная, предельная, далее не членимая составная часть лексического значения (семемы).

кова должны объяснить читателям «Трудолюбивой пчелы» новый дискурс, создаваемый писателями-просветителями под обложкой светского журнала.

Так каково послание автора XVIII столетия современникам и потомкам? В основании «благорастворенного» мира лежат порядок и гармония. Фундаментом порядка является в большой степени язык: чем древнее язык, тем крепче фундамент нации. Сумароков берёт за образец этимологии Платона. И для древнегреческого, и для русского автора эти упражнения не были научными штудиями, а были попыткой собственной космогонии, сотворения нового мифа. В античности «реальный мир, мир микрокосма, считался только “подобием”, “подражанием”, чувственным “образом” подлинного макрокосма, потустороннего мира, который постигался умозрением» [5, с. 238].

По мысли А.Ф. Лосева «псевдонаучная лингвистика и была одной из причин крайне малой популярности диалога» Платона, поскольку «широкой публике все эти бесконечные этимологии совершенно не нужны... что же касается учёных-лингвистов, то и те часто разводят руками и не знают, что делать, когда начинают читать в диалоге все эти фантастические толкования огромного количества имён и слов» [6, с. 826]. Однако у отечественных писателей XVIII века, в том числе у Сумарокова, псевдофилологические работы имели идеологический, патриотический характер. Их задача - обосновать претензии русской нации и русского языка на древность, величие и равноправие не только с современными языками, но и с древними, сакральными. По Сумарокову, русский язык благодаря обилию коренных слов прямо указывает на древность русского народа. Отход от корней, засорение языка варварскими словами может привести в итоге к крушению цивилизации. Наоборот, исконное словообразование, развитие языка за счёт его внутренних возможностей – путь к укреплению национального самосознания.

4 Термин - граница между миром наивным и миром научным

Мысль Платона: кто знает имена, тот знает и вещи, - обрела доказательства вместе с формированием научного мышления и самой науки. Именно в античности появилось и само слово «термин», происходящее от латинского корня *-ter-*: «перешагивать, достигать цели, которая по ту сторону». Специальное понятие метафоризировалось от вещного значения: «пограничный столб, пограничный камень, пограничный знак вообще». Собственно философское понимание термина восходит к ученику Платона - Аристотелю: термином он называл подлежащее и сказуемое суждения – логический субъект и логический предикат. Подробная история терминологических соглашений рассмотрена в статье Н.М. Боргеста [7, с. 10-13].

Источником возникновения терминов можно считать противоречие между наличными средствами языка и потребностью человека выразить новую мысль, возникшую в процессе познания или общения. В аспекте взаимосвязи языка и мышления учёными признаётся возможность различной категоризации действительности. Результаты мыслительной деятельности индивидов закрепляются в языке в двух видах:

- как знания, отражающие наиболее общие явления, отношения, закономерности, находящие выражение в общеязыковых значениях и так называемой наивной картине мира;
- как различного рода более частные сведения, связанные с научным познанием, то есть вторичным осмыслением действительности, производным от системы общеязыковых значений.

Приведём некоторые примеры семантической трансформации общелитературной лексики в процессе её терминологизации. *Truncus* – в греч. – «ствол дерева, обрубок», в медицин-

ской терминологии – «туловище». *Bacterium* – в греч. «палка, посох, судейский жезл». *Coccus* – в греч. «косточка плода, зерно», в терминологии – «кокк, шарообразная бактерия».

Термин – всегда результат научной познавательной-мыслительной деятельности индивида (группы индивидов). Представления о предметах (явлениях), характерные для среднего интеллигентного носителя языка³, основаны чаще всего на донаучных понятиях, а наивное понятие может существенно отличаться от научного. Например, *голубой* как научное понятие – «цветовое ощущение, возбуждаемое светом при длине волн 480 нм», как наивное, обыденное – «цвет ясного неба, светло-синий».

Осмысление картины мира и её означивание происходит как постоянное взаимодействие обыденного (наивного) и рационального типов мышления. Рациональное мышление характеризуется критериями точности, эквивалентности, логичности, тогда как наивное – метафоричностью и открытостью. Субъективность человеческого опыта, непосредственное влияние обыденного восприятия мира лежит в основе многих терминосистем. Так, например, исконная судовая терминология обнаруживает большое количество обозначений с прозрачной внутренней формой; среди активных моделей терминообразования можно выделить процесс именованного водного средства передвижения по материалу изготовления: лодка *осиновка*, *дубок*, *берестянка*, *сосновка*, *березовка*; по способу соединения досок у водоходных судов – лодки *вичанки* (от вич – «можжевельный прут»), *гвозденик*.

Глубина проникновения в сущность отражаемых предметов особенно наглядно видна при анализе сравнительно молодых терминообластей, например авиационной, зарождение которой произошло в конце XIX в., а период интенсивного формирования пришелся на промежуток между двумя мировыми войнами. Совершенствующаяся авиационная терминология первоначально отражала наивный тип мышления, выразившийся в преобладании метафорических наименований. Результатом речемышлительной деятельности первых авиастроителей, отражающей работу человеческого сознания, стали специальные наименования типа *тело аэроплана*, *гондола*, *туловище аэроплана*, *средняя ферма аэроплана*, *остов*, *каркас* – для обозначения фюзеляжа; *крыльчатая машина*, *летучая барка*, *аэро-карета*, *колокрыл*, *воздухоплав* – для самолёта.

Многие обозначения, опирающиеся на непосредственный чувственный опыт индивида, закрепились в качестве нормативных терминов. Так, лексема *геликоптер* пришла в русский язык из французского, в котором называла летательный аппарат, поднимающийся в воздух при помощи винта. Поэтому уместной в русском языке была бы калька *винтолёт*. Однако в узуальное употребление вошло слово *вертолёт*, менее мотивированное, зато связанное с глубинными механизмами человеческого восприятия и мышления русского человека. Современные подходы к разработке семантических основ информационных систем для проектирования и производства авиационной техники прорабатываются Д.В. Шустовой [8, с.70-84].

Можно установить кроме прямой и обратную зависимость: выполняя эвристическую функцию, сами термины становятся источниками нового знания. Операции над элементами знаковых систем могут приводить к открытиям и фактам, не содержащимся в исходном материале, выраженном знаками. Так называемые «открытия на кончике пера» становятся возможными не только в результате познания объективной действительности, но и вследствие того, что закономерности были выражены средствами знаковых систем. Другими словами,

³ Онтология базируется на классификации сущностей, объектов, субъектов, предметов, процессов, отношений... При этом всегда важной частью онтологического анализа являются критерии такой классификации. Сократ, выделяя или отделяя человека от животного, выбрал для себя «очевидный» критерий (см. раздел 1 статьи). Применение же «научных» и «наивных» понятий, скорее всего, следует отнести не к уровню «интеллигентности носителя языка», а к той ситуации и к той коммуникативной среде, в которой происходит диалог или трансляция знаний. *Прим.ред.*

помимо функции выражения знаний, термин обладает и конструктивной функцией, способствует рождению новых идей.

Заключение

Предпосылки проектирования терминосистем вполне можно отыскать у античных авторов, в частности у Платона. Его труд «Кратил» обозначил вектор проникновения в смысл слова, поиск мельчайших единиц смысла, возникновения нового значения как комбинации первичных смыслов. Сумароков творчески осмыслил идеи Платона, связал упорядоченность и развитие языка с порядком и гармонией мира человека.

И Платон, и Сумароков отводили ведущую роль в развитии языка особо образованным людям, творцам имён. На современном этапе развития науки такая роль отводится терминоведом, учёным разных областей. Задача исследователя - отталкиваясь от бытовых представлений, наивного мышления, сконцентрировать в дефиниции термина научную картину мира, что, в конечном итоге, позволит найти основы для формализации представления и дальнейшей трансляции знаний, необходимых в онтологическом моделировании, в том числе, и для онтологии проектирования.

Список источников

- [1] *Рак, В.Д.* Статьи о литературе XVIII века / В.Д. Рак. - СПб.: Пушкинский Дом, 2008. - 640 с.
- [2] *Сахаров, В.И.* Иероглифы вольных каменщиков. Масонство и русская литература XVIII-XIX века / В.И. Сахаров. - М.: Жираф, 2000. - 216 с.
- [3] Трудолюбивая пчела. - СПб: [Тип. Акад. наук], 1759. - 767 с.
- [4] *Платон.* Кратил / Платон // Платон. Собрание сочинений: В 4-х т. - М.: Мысль, 1990. - Т. 1. - С. 613-681.
- [5] *Фрейденберг, О.М.* Миф и литература древности / О.М. Фрейденберг. - М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. - 800 с.
- [6] *Лосев, А.Ф.* Кратил. Формы субъективно-человеческого функционирования объективно-реальной идеи - вещь, идея, тип-образец, имя / А.Ф. Лосев // Платон. Собрание сочинений: В 4-х т. - М.: Мысль, 1990. - Т.1. - С. 826-835.
- [7] *Боргест, Н.М.* Ключевые термины онтологии проектирования: обзор, анализ, обобщение / Н.М. Боргест // Онтология проектирования - 2013. - №3(9). - С. 9-31.
- [8] *Шустова, Д.В.* Подход к разработке семантических основ информационных систем для проектирования и производства авиационной техники / Д.В. Шустова // Онтология проектирования. - 2015. - №1(15). - С. 70-84.

PHILOSOPHICAL DIALOGUE ABOUT THE NAME OF PLATO, SUMAROKOV AND CURRENT STATE OF PROBLEM

Yu.V. Slozhenikina¹, A.V. Rastyagaev²

¹*Samara State Technical University, Samara, Russia*

goldword@mai.ru

²*Moscow City Pedagogical University, Samara brunch, Russia*

avr67@yandex.ru

Abstract

The paper proposes a diachronic approach to the interpretation of names. The articles “About Cognate Words of the Russian Language” by Sumarokov which was published in the journal “Trudolyubivaya Pchela” [“Hard-working bee”] (February, 1759) is analysed in the investigation. A hypothesis is made that the reasoning of the XVIII-century Russian writer were initiated by the dialogue of Ancient Greek philosopher Plato “Kratil”. Both handiworks are a try to create a

cosmogonic world: the world is placed on the correctly created names. The names teach. Who knows names, also knows things. Sumarokov is sure that the existence of cognate words in the Russian Language indicates the antiquity of its origin. He supposes that the Russian Language originated from Scythian. Sumarokov's article contains the big quantity of author's etymologies. The purpose of Sumarokov's article is to prove the claim of the Russian nation and the Russian Language on antiquity, greatness and equality with ancient and modern languages. Sumarokov realizes the writer's great role in the preservation of language and the formation of language taste. From the point of view of terminology of contemporary, it offered a look at the relation of language and thought, the role of thinking in the terms formation. The authors believe that, ultimately, it is possible to find a basis for further formalization of the presentation and translation of knowledge required in the ontological modeling, including, for онтологий of designing.

Key words: Sumarokov; Plato; "Hard-working bee"; name; term; Russian language; thinking; etymology.

References

- [1] **Rak, V.D.** Stat'i o literature XVIII veka [Articles about Literature of the XVIII century] / V.D. Rak. - Sankt-Peterburg: Pushkinskiy Dom, 2008. - 640 p.
- [2] **Saharov, V.I.** Ieroglifiy volnyih kamenshchikov. Masonstvo i russkaya literatura XVIII-XIX veka [Ieroglyphs of Free Masons. Freemasonry and Russian Literature of XVIII-XIX century] / V.I. Saharov. - Moscow: Zhiraf, 2000. - 216 p.
- [3] Trudolyubivaya pchela [Hard-working bee]. - Sankt-Peterburg: [Tip. Akad. nauk], 1759. - 767 p.
- [4] **Plato.** Kratil / Plato // Plato. Sobranie sochineniy [Collected Works]. - Moscow: Myisl, 1990. - Vol. 1. - P. 613-681.
- [5] **Freydenberg, O.M.** Mif i literatura drevnosti [Myth and Literature of Antiquity] / O.M. Freydenberg. - Moscow: "Vostochnaya literature" RAN, 1998. - 800 p.
- [6] **Losev, A.F.** Kratil. Formy sub'ektivno-chelovecheskogo funktsionirovaniya ob'ektivno-realnoy idei vesh, ideya, tip-obrazets, imya [Kratil. Forms of the Subjectively-human Functioning of the Objectively-real Idea are a Thing, Idea, Type-standard, Name] / A.F. Losev // Plato. Sobranie sochineniy. - Moscow: Myisl, 1990. - Vol. 1. - P. 826-835.
- [7] **Borgest, N.M.** Klyuchevye terminy ontologii proektirovaniya: obzor, analiz, obobshchenie [Key terms of the ontology design: review, analysis, synthesis] / N.M. Borgest // Ontologiya proektirovaniya. - 2013. - №3(9). - P. 9-31.
- [8] **Shustova, D.V.** Podhod k razrabotke semanticheskikh osnov informacionnykh sistem dlya proektirovaniya i proizvodstva aviacionnoy tekhniki [The approach to the development of the semantic foundations of information systems for the design and manufacture of aviation equipment] / D.V. Shustova // Ontologiya proektirovaniya. - 2015. - №1(15). - P. 70-84.

Сведения об авторах

Сложеникина Юлия Владимировна, 1971 г. рождения. Окончила Самарский государственный педагогический университет в 1993 г., д.ф.н. (2006). Профессор кафедры «Психология и педагогика» Самарского государственного технического университета. В списке научных трудов более 100 работ в области филологии, терминоведения.

Slozhenikina Yulia Vladimirovna (b. 1971) graduated from the Samara State Teachers' Training University in 1993, Full D (2006). She is a Professor at Samara State Technical University. She is a co-author of more than 100 scientific articles and abstracts in the field of philology, science of terminology.

Растягаев Андрей Викторович, 1967 г. рождения. Окончил Самарский государственный университет в 1993 г., д.ф.н. (2009). Профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Московского городского педагогического университета (Самарский филиал). В списке научных трудов более 110 работ в области филологии, литературоведения.

Rastyagaev Andrey Victorovich (b. 1967) graduated from the Samara State University in 1993, Full D (2009). He is a Professor at Moscow City Pedagogical University (Samara brunch). He is a co-author of more than 110 scientific articles and abstracts in the field of philology, literary criticisms.